

ГОРДОСТЬ РУССКОЙ МУЗЫКИ

К 100-летию со дня рождения С. В. РАХМАНИНОВА

РАХМАНИНОВ. Один из самых совершенных по таланту, универсальных музыкантов мира: гениальный пианист, первый великий русский дирижер, неповторимый композитор... В ком еще с такою властной силой воплощался этот триединый дар?

По-русски щедрая фантазия композитора была помножена в нем на титаническую смелость, масштабного пианизма и властную ритмо-пластику дирижерского мастерства. Думается, именно это соединение придало выкованность, динамическую силу рахманиновской господствующей «интонации»; сделало личность Рахманинова — человека и художника столь «осязаемой» в его музыке.

Напомним, как гармонично и почти одновременно проявились все три дара в молодом Рахманинове. В 1892 году в качестве дипломной работы при окончании Московской консерватории Рахманиновым была представлена опера «Алеко». В том же году в Москве состоялся первый самостоятельный концерт Рахманинова-пианиста, давший начало его блестящей исполнительской деятельности. А в следующем, 1893 году, в Киеве, мо-

лодой композитор впервые становится за пульт, чтобы продирижировать оперой «Алеко». В сезоне 1897—1898 гг. он уже приглашен вторым дирижером в частную московскую оперу Саввы Мамонтова. Для полноты картины добавим, что в сезонах 1904—1906 годов Рахманинов становится дирижером Большого театра, а в 1912-м — шесть раз дирижирует «Пиковой дамой» в Петербургском Мариинском театре.

Не это ли яркое дирижерское начало, заложенное в музыкальной натуре Рахманинова, определило ораторский стиль рахманиновского творчества и пианизма, придало им неповторимый, чеканный, ритмически властный строй мышления?

Не это ли владение высшей формой толкования музыки, каким является дирижерское, «безбрежное» царение над ней, сделало композиторское и пианистическое творчество Рахманинова подлинно симфоническим по масштабу и стилю драматургии?

Черты симфонизма, с характерным размахом тематического развития и яркостью конфликтных «узлов», присущи не только крупным симфоническим и вокально-симфоническим произведениям Рахманинова, но и его фортепьянным пьесам и даже романсам (достаточно вспомнить «Весенние воды»).

Рахманинов называл мелодию «главной основой всей музыки», говорил о том, что «мелодическая изобретательность в высшем смысле этого слова — главная жизненная цель композитора», и работал, непрестанно работая над выразительной рельефностью, протяженностью, вариационной, бесконечностью своих мелодий. Уникальной для всей музыки стала его двадцатичетырехтактовая мелодия из Третьего фортепьянного концерта...

Тот же принцип пронизывал и исполнительскую сферу Рахманинова. «Особенность глубоко жизненного обаяния рахманиновского пианизма, — писал академик Б. Асафьев, — в его песенной напевности и распевности. В Рахманинове-пианисте всегда присутствует русская лирико-творческая стихия, хранящая образы безмерных

родных далей, величавое раздолье русских пейзажей, и «говор» и тишину лесов и полей».

Так и, естественно, только так исполнял Рахманинов свои фортепьянные произведения. Но вот он дирижирует русскими операми Чайковского, Глинки, Мусоргского, Даргомыжского, Бородина, Римского-Корсакова. Что характерно для его исполнительского мышления, погруженного в стихию «инакомыслящего» композитора? Для Рахманинова-дирижера характерен некий капитальный эстетический принцип, в основе которого — «беспрерывность», «осмысленное движение музыки», как вспоминал дирижер Н. Малко.

Нетрудно заметить связь этого принципа с русской передовой эстетической мыслью того времени. Именно в эти годы делает К. Станиславский свое теоретическое открытие «безостановочности творческого процесса»: «Всякому искусству нужна прежде всего непрерывная линия... Само искусство рождается с того момента, как создается непрерывная, тянущаяся линия звука, голоса, рисунка, движения». Так творит и Сергей Рахманинов.

Не только творчество Рахманинова, но и вся жизнь его была тесно связана с ярчайшими фигурами русского искусства рубежа XIX—XX веков. Мхатовцы, Чехов и Горький; выдающиеся мастера оперной сцены Шаляпин, Забела-Врубель, Собинов, Нежданова; художники Серов, Васнецовы, Корovin, Поленов. Мы уж не берем круг музыкальный, где нужно было бы тогда назвать почти все известные имена композиторов и исполнителей — от Чайковского, Аренского и Танеева до Метнера и Гольденвейзера.

Но, может быть, из всех важных и плодотворных связей Рахманинова с художниками-современниками наиболее символической была его многолетняя дружба с Шаляпиным. Началась она в молодые годы в театре Мамонтова, когда Рахманинов, разучивал с Шаляпиным оперные партии и даже преподавал ему музыкально-теоретические предметы. Летом 1898 года Рахманинов и Шаляпин жили вместе в «егерском домике» в Путятине (Ярославская губерния), где и сыграна была веселая свадьба Шаляпина с балериной Торнаги. Рахманинов был шафером на свадьбе и надел венец на голову Федора Ивановича, а впоследствии стал крестным отцом его первой дочери Ирины. Когда Шаляпин получил первое приглашение петь в миланском театре «La Scala», Рахманинов был первым, с кем он поделился этой радостью и пригласил с собой в Италию. С благодарностью вспоминал певец сказанные тогда композитором слова: «Отлично. Я буду за-

ниматься там музыкой, а в свободное время помогу тебе разучивать оперу».

Рахманинов очень любил аккомпанировать и выступать с Шаляпиным. Сохранились воспоминания об их концертах в Крыму на террасе Воронцовского дворца и на чеховских торжествах в Ялте, в доме Льва Толстого и на дружеских музыкальных вечерах.

«Шаляпин преклонялся перед Рахманиновым, — вспоминал Ю. Никольский. — При Рахманинове Шаляпин как-то внешне и внутренне подтягивался, потому что он верил ему безоговорочно: что Сережа скажет — то закон. Дружба их прошла через всю жизнь. Сергей Васильевич посвятил Шаляпину один из лучших своих романсов — «Судьбу» на слова Апухтина...

— Моя связь с Шаляпиным — это одно из самых сильных, глубоких и тонких переживаний моей жизни, — так говорил Рахманинов...

Счастливая пора для русской музыкальной эпохи, в которой скрестились судьбы двух артистов-корифеев!

Слушая сегодня музыку Рахманинова, его непревзойденные фортепьянные концерты, гениальную Третью симфонию и Симфонические танцы (созданные в пору далеких от родины скитаний, но сохранившие поразительно русский строй «выкованного» музыкального мышления), его оперы, кантаты и поэмы («Алеко», «Весна», «Колокола», «Три русские песни»), его чудесную виолончельную сонату, Элегическое трио, тончайшие по лирическому строю чувства фортепьянные миниатюры и романсы, мы погружаемся в огромный духовный мир русского художника, завершавшего в музыке «мелодический» XIX век и пророчески зачинавшего «ритмический» XX! Мы слышим бурление могучих сил и встревоженную «колокольность» этой музыки, которая по-своему отразила «предгрозовую» пору России. «Не правда ли, Рахманинов очень свежий, светлый и плавный талант с новомосковским особым отпечатком, — говорил Стасов, — и звонит с новой колокольни, и колокола у него новые».

Музыка Рахманинова продолжает жить и будить сердца набатом вдохновенного. Второго фортепьянного концерта, о котором так хорошо сказал друг Рахманинова, композитор Николай Метнер: «Каждый раз с первого колокольного удара чувствуешь, как во весь свой рост подымается Россия».

Вечная радость, вечная гордость — музыка Рахманинова.

Т. ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО.